

Барбара Картленд

Звезды в моем сердце

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2671155
Звезды в моем сердце: Эксмо; М.: 2011
ISBN 978-5-699-49477-4

Аннотация

Гизела Масгрейв, дочь провинциального сквайра, влачит жалкое существование, прислуживая злобной самовлюбленной мачехе. Но однажды ее жизнь резко меняется: Гизела спасает незнакомку, которая оказывается австрийской императрицей. Коронованная особа открывает девушке тайну ее происхождения и просит исполнить важное поручение...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Барбара Картленд

Звезды в моем сердце

Глава 1

Гизела толкнула дверь шорной мастерской. Хотя ей частенько приходилось бывать здесь, ее всегда охватывали неловкость и смущение оттого, что она вторгается в чисто мужское царство. Она неизменно чувствовала одно и то же: странное замирание сердца и нерешительность, заставлявшие лихорадочно подыскивать какой-нибудь подходящий предлог, чтобы оттянуть тот момент, когда нужно будет переступить порог и привлечь к себе любопытные взгляды не менее десятка незнакомцев.

Старик Фред Тайлер, шорник, хорошо ее знал, и конечно, она не его боялась. Она приходила сюда с отцовскими поручениями с тех пор, как едва научилась ходить. Починить вожжи, подпругу, заменить ремешок на седле. Если возникала необходимость отправиться в Таусестер за покупками, сквайр всегда произносил свою обычную реплику:

– Едешь в Таусестер? У меня найдется кое-что для Тайлера починить.

Фред Тайлер был не просто шорником. Его мастерская, как казалось Гизеле, была центром и средоточием всех сплетен, бродивших по округе. Там неизменно можно было увидеть компанию мужчин, стоявших перед гудящим очагом во всю стену, в котором горели бревна. Мужчины были в высоких сапогах, бриджах, забрызганных грязью, и алых охотничьих куртках с разноцветными воротничками, обозначающими, к какому охотничьему обществу они принадлежат – «Пайтчли», «Байсестер» или «Герцог Графтонский». Держа руки в карманах, они обычно хохотали во все горло. А иногда накачивались пивом из высоких оловянных кружек, которые доставлял им из соседней пивной мальчишка, служивший у Фреда Тайлера на посылках.

Гизеле всегда казалось, что стоило ей войти, как их смех тут же резко обрывался. Наступала внезапная тишина, во время которой джентльмены, собравшиеся у очага, внимательно ее разглядывали. После, когда она уходила, они снова принимались хохотать, и этот смех еще долго звенел у нее в ушах.

Ей всегда хотелось знать, что Фред Тайлер произносил в ответ на вопрос, который она очень часто успевала услышать, прежде чем за ней захлопывалась дверь:

– Кто такая?

Что он отвечал? Как-нибудь коротко, типа:

– Дочь сквайра Мазгрейва.

Это было бы простым объяснением. Или, быть может, он пускался в подробности и добавлял:

– Дочь сквайра Мазгрейва от первой жены, той красивой иностранки, что умерла десять лет тому назад, а потом он женился на леди Харриет.

– Боже милостивый! Так у Харриет Мазгрейв есть падчерица? Вряд ли ей это по нутру. Женщины никогда не пользовались ее особой любовью.

При этом снова раздавался взрыв хохота, от которого Гизела, вздрогнув, ускоряла шаги по булыжной мостовой.

А может быть, она преувеличивала. Может быть, как случалось в детстве, она давала волю своему воображению. Может быть, джентльменов у огня вовсе не интересовало, кто она такая. И в самом деле, с чего бы она могла их заинтересовать? Вид у нее совершенно убогий и ничтожный – в ветхом коричневом платье, заштопанном и залатанном где только можно. Унылая шляпка давно уже вышла из моды. С чего бы им смотреть, как она украдкой,

боязливо заходит в мастерскую по очередному пустяковому поручению, с каким легко бы справился их грум, если бы отец счел возможным обойтись без него хотя бы недолго.

«Ну почему я такая трусиха?» – спрашивала себя не раз Гизела. И сама себе отвечала, что только скованная стенами дома, она страдает от чувства неполноценности.

Но все совсем по-другому, когда она верхом на коне. Те минуты уравнивали ее с любым мужчиной и даже ставили выше многих. Она знала, что может быть быстрее всех; она знала, что хоть на ней и потертая амазонка, ей нечего стыдиться того, как она держится в седле и с каким умением управляется с лошастью.

– Я не боюсь! Я не боюсь! – теперь повторила она самой себе и вошла в мастерскую.

Ее опасения были напрасны. Сегодня у огня грелись только двое, и обоих она знала. Это были фермеры, один – из Нортгемптона, другой – из южной части графства, пожилой человек, который однажды помог ей поймать лошадь, когда та сбросила ее, взяв очень сложное препятствие.

Гизела робко ему улыбнулась, ступая по деревянному полу, а он приподнял в ответ шляпу. Фред Тайлер уже вышел из-за деревянного прилавка, вытирая руки о кожаный фартук. Фред Тайлер выглядел словно какой-то предмет из собственной мастерской. Его можно было представить только в такой обстановке: окруженного седлами и уздечками, вожжами и подпругами, кнутами и упряжью. Он сам был цвета дубленой кожи, с согнутой спиной от долгих часов, проведенных внаклонку над работой. Благодаря огоньку в глазах и шуткам, слетавшим с языка, он стал популярной личностью по всей округе, так что мужчины всех сословий и рангов приходили навестить старика Фреда, когда им случалось попасть в Тау-сестер.

– Доброе утро, мисс! Чем могу быть вам полезен?

– Доброе утро, Фред! Сквайр попросил меня отдать вам эти поводья. Говорит, они шершавые.

И Гизела вручила поводья старику. Он взял их, измерил длину и поцокал языком, обнаружив лопнувший стежок.

– Передайте сквайру, все будет сделано, завтра он получит их обратно.

– А еще он просил сказать вам... – начала Гизела. Но в это время дверь мастерской широко распахнулась.

– Шорник! – раздался властный окрик. В дверях стоял слуга, но очень высокомерный и ослепительный слуга. На нем были бриджи, сапоги, начищенные до зеркального блеска, ливрея, украшенная пуговицами с гербами, желтый в черную полоску жилет и цилиндр с кокардой, лихо надетый набекрень, что само по себе уже было дерзостью.

– Эй там! Шорник! – вновь закричал этот человек совершенно невероятного вида, и его крик эхом разнесся по всей маленькой мастерской.

– Вы меня зовете? – спросил Фред Тайлер, медленно делая шаг вперед.

– Кого же еще, если ты и есть шорник? – последовал ответ. – Его милость хочет поговорить с тобой. Выходи, и поторапливайся. Нам недосуг весь день околачиваться в этой дыре.

Мгновенно наступила тишина. Фермеры у камина оборвали разговор и уставились на лакея. Гизела тоже смотрела на него. На секунду могло показаться, что Фред Тайлер колеблется. Он привык, что знать обращается к нему если не с почтением, то, по крайней мере, с долей вежливости. Возможно, в какой-то момент он почувствовал негодование и даже желание возмутиться таким нелюбезным обхождением. Но традиция была для него свята.

– Я не задержу его милость, – произнес он и поспешил на улицу, громко захлопнув за собой дверь.

Гизела принялась терпеливо ждать. В то же время она почувствовала, что дрожит, как будто мартовский ветер выдул все тепло из лавки. Новый, 1876 год принес с собой пронизывающий холод и глубокие сугробы. Февраль был сырым и туманным, с мартом при-

шел буйный ветер, ураганом пронесшийся по округе, выворачивая с корнем деревья и грохоча по улицам сорванными с домов трубами. Казалось, зима слишком затянулась. Гизеле вдруг неудержимо захотелось весеннего тепла, первых нарциссов, длинных солнечных дней. Погруженная в собственные мысли, она сначала не вникла, о чем говорили фермеры, но затем смысл их разговора постепенно дошел до ее сознания.

– Она перелетела через ту изгородь, что возле ручья, прямо как птичка, точно говорю, – произнес фермер постарше. – Поверь мне, Джим, за всю свою жизнь мне не доводилось видеть ничего подобного.

– Да, знаю, я тоже ее видел собственными глазами, – ответил тот, кто был помоложе. – В графстве немало женщин, которые неплохо держатся в седле, почти совсем как мужчины. Но она – как будто срослась со своей лошадью.

– Ты прав, мой мальчик! Вот и я говорю, – согласился его собеседник, – она как будто срослась с лошадью. Всегда считал, что мы можем кое-чему научить этих иностранцев, оказалось – и нам есть чему поучиться.

Гизеле стало интересно, о ком они говорят. Последние десять дней она не выезжала верхом, потому что у одной из кобыл в отцовской конюшне было растяжение, а для охоты отец хотел иметь всех лошадей в своем распоряжении. Очевидно, на охоте появился кто-то новый.

Гизелу охватило любопытство и одновременно зависть. Для нее было нестерпимым, что она лишена возможности ездить верхом, а должна сидеть дома и выслушивать бесконечные упреки мачехи, выполнять самые неприятные обязанности по дому, делать то, что никто, кроме нее, не сделает, в то время как она могла бы мчаться по полям, брать препятствия, выслеживать лисицу. От одной мысли об охоте она тяжело вздохнула.

В этот момент распахнулась дверь.

– Сюда, пожалуйста, милорд, я покажу вам уздечку, о которой говорил. Последняя модель. Точно такую я сделал для его светлости герцога. Но эта еще лучше, если позволите мне заметить.

Фред Тайлер заковылял по мастерской, за ним вошел незнакомец. Гизела быстро отошла в сторону, чтобы не помешать ему, и, словно извиняясь, прижалась к стене, увешанной седлами, куда падала густая тень, как раз напротив камина. Хотя вряд ли господин, вошедший в лавку, обратил бы на нее малейшее внимание. Он двигался не спеша, с надменным, гордым видом, возвышаясь над всеми и затмевая всё и всех вокруг.

Он был очень высокий, с непокрытой головой, в его темных волосах отражались отблески огня. Под синей курткой из тяжелого габардина угадывались широкие плечи, а тщательно завязанный сложным узлом шейный платок подчеркивал его выступающий квадратный подбородок. Он даже взглядом не повел, как бы не признавая, что в лавке кто-то есть, кроме него. Поэтому и оба фермера у камина, притихшие от неловкости, и Гизела, сжавшаяся в комочек в конце прилавка, не были им замечены. Длинными, тонкими пальцами, тем не менее казавшимися сильными, он принялся перебирать уздечки, которыми Фред Тайлер с готовностью завалил прилавок.

– Слишком тяжелые, – решительно заявил незнакомец.

– Но я уверяю вас, милорд...

– Слишком тяжелые, – повторил он. – Покажите мне другие.

В его голосе появилась какая-то резкость, когда он снова заговорил. Очевидно, он был из тех людей, с которыми не спорят и кто всегда поступает по-своему.

– Вот, милорд, самая тонкая уздечка из всех, которые я когда-либо делал, – сказал Фред Тайлер.

Лорд молча ее осмотрел.

– Подойдет.

Он повернулся и, не говоря больше ни слова, двинулся к выходу. Он был такой высокий, что голова, казалось, вот-вот коснется потолка. Он заполнил всю лавку – своей статью, величием, своим важным видом. Когда он дошел до двери, Гизела подумала, что теперь ему, несомненно, придется наклонить голову, чтобы переступить через порог. И либо он забудет на секунду о своей высокомерной осанке, которая бросала вызов всему миру, либо ударится о дубовую перекладину над входом.

Она ждала. Он миновал дверь, которую Фред Тайлер услужливо распахнул перед ним, не достав до притоки одной десятой дюйма. Сама не зная почему, Гизела облегченно вздохнула. Он ушел, а его дерзкий слуга тут же распорядился:

– Отнеси в карету. Да пошевеливайся, шорник!

Она смотрела, как Фред Тайлер заворачивает уздечку, чертыхаясь себе под нос из-за того, что у него получается такой неуклюжий сверток, как спешит к двери, чуть ли не падая на ходу. И тогда Гизела поняла, что не может больше ждать. То, что она увидела, вызвало у нее внутренний протест. Она взбунтовалась и разозлилась одновременно, но даже самой себе не могла объяснить своих чувств. Ей довольно часто приходилось сталкиваться с властолюбивой знатью и на охоте, и в городе. И все же что-то в этом человеке, который только что побывал в лавке, вызвало в ней смятение чувств, до сих пор ей неизвестных. Впервые в жизни она спросила у самой себя, по какому праву ей отказывают во внимании при одном появлении «важной птицы». Ведь она не только женщина, она тоже принадлежит к дворянству, «правлящему классу», как любил говорить ее отец.

«Правящий класс!» Она чуть было не рассмеялась от такой иронии. Она, которая была не кем иным, как бесплатной служанкой в собственном доме, она, которая должна прислуживать мачехе и молча выносить оскорбления и удары. Все же что касается ее происхождения, в ней текла такая же голубая кровь, как в любом из тех, кому воздавались почести и уважение. Но теперь ей казалось, что хозяева всех лавочек, даже Фред Тайлер, знали, как мало она собой представляет.

Ничего не видя перед собой, поддавшись внезапному порыву, она вышла вслед за шорником из мастерской на улицу, на холодный, пронзительный ветер, как раз в тот момент, когда отъехала карета лорда. Гизела не могла не заметить и пару великолепных гнедых лошадей, запряженных в карету, и кучера в многоярусной пелерине, и дерзкого лакея рядом с ним на козлах, как и герб, украшавший полированную дверцу. Она бросила еще один взгляд на смуглое, высокомерное лицо с тонким точеным носом, плотно сжатыми губами и непреклонным подбородком. Но тут карета уехала, уносимая прочь лошадьми, под звон серебряной упряжи и грохот колес.

Фред Тайлер не видел, как Гизела проскользнула за его спиной и свернула в переулок. Он смотрел вслед карете почти с восторгом на лице. Гизела, которой приходилось бороться с мартовским ветром, вовсе не хотела привлекать к себе его внимание. Она так и не выполнила одно поручение, но теперь ей было все равно. Хотя в какой-то степени это обстоятельство еще больше настроило девушку против незнакомца в карете и подчеркнуло ее собственную незавидную долю.

Лично ее домой карета не везла. В город она приехала в стареньком ландо, которое у них в семье использовали для поездок за покупками и редко для других случаев. Мачеха тотчас отослала коляску на другой конец города с каким-то поручением, а Гизела сказала, что лучше пойдет домой пешком, как только справится со всеми делами, чем будет ждать возвращения ландо.

Дом сквайра, Грейндж, находился всего в двух милях от города, так что для Гизелы было привычным добираться туда своим ходом. Ландо редко попадало в распоряжение Гизелы. Для лошадей всегда находилось лучшее применение, нежели возить ее. Да и охо-

титься ей бы не позволили, если бы это не устраивало отца, – он мог использовать дочь в качестве второго или третьего грума, к тому же она помогала тренировать лошадей.

Сейчас, когда Гизела брела по дороге, утопая в грязи, стараясь не запачкать подол юбки и в то же время придерживая на голове шляпку, чтобы ее не унесло порывом ветра, она могла думать только об охоте. Ей припомнился разговор двух фермеров. Кто была та женщина, что летала словно птица? – ломала голову Гизела. А потом вдруг, вопреки всем своим намерениям, она снова стала думать о незнакомце. Кто он? Встретит ли она его на охоте? Есть надежда, сердито подумала она, никогда больше его не увидеть, и тут же удивилась собственной ожесточенности. Ее раздражала одна мысль о человеке, по всем признакам снедаемом собственной гордостью. И все же, наверное, ему простительно, если у него есть причина быть гордым. Она тоже гордая, хотя ей абсолютно нечем гордиться, как не раз напоминала ей мачеха.

Гизела слегка вздохнула. Нечасто она позволяла себе жаловаться на судьбу, но иногда просто нельзя было удержаться, чтобы не сравнить свою жизнь с тем, как живут другие девушки ее возраста. Через три месяца ей исполнится двадцать один год, она станет совершеннолетней. От этой мысли ее губы слегка сжались в пренебрежительной усмешке. Что принесет ей совершеннолетие? Дни, заполненные тяжелой работой, месяцы рабства, годы заточения, когда нельзя никуда вырваться, нельзя делать то, что хочешь! Почему мачеха так ненавидит ее? Как Гизеле хотелось знать ответ! Однажды она так прямо и спросила леди Харриет.

– Ненавижу? – переспросила Харриет Мазгрейв. – Мне не за что ненавидеть глупую грязнулю вроде тебя. С какой стати? Ты не стоишь того, чтобы тебя ненавидеть, моя дорогая. Ты слишком глупа, некрасива и ничтожна, чтобы я чувствовала к тебе что-нибудь, кроме раздражения.

Слишком глупа и ничтожна! Слова ужалили, потому что – как не раз признавалась себе Гизела – это была правда. А какой еще она могла быть? Леди Харриет пилила ее день-деньской. И пусть она сколько угодно утверждает, что не питает к ней ненависти, но Гизела-то знает, что так оно и есть. Да и отец давно уже отказался от всяких намерений хоть как-то ее защитить. Теперь он даже не пытался спорить со своей второй женой. Вместо этого, когда не охотился, он пил, достигая того блаженного состояния, при котором можно придать полному забвению ворчливые голоса, женские ссоры, бедность – все то, что причиняет тревогу и беспокойство.

– Папа, зачем ты так много пьешь? – спросила как-то Гизела, когда однажды, по счастливой случайности, они оказались одни в доме и у отца было хорошее настроение.

– А что еще остается в жизни мужчине, который состарился? И слава господа, у твоего деда хватило здравого смысла заложить отличный винный погреб, – ответил он.

– Но тебе вредно, папа.

– Мне полезно найти общий язык и с Богом, и с людьми, – ответил он. – А после двух бутылок этого портвейна, уверяю тебя, Гизела, я с самим дьяволом помирюсь.

Что касается леди Харриет, то она не так легко удовлетворялась подобными объяснениями. Иногда от их ссор дрожали и раскачивались светильники над головой. В такие вечера Гизела предпочитала пораньше пробраться к себе в спальню, чтобы не слушать их резкие голоса, выкрикивающие оскорбления друг другу.

– Ты – жалкий пьяница, – визжала как-то леди Харриет Мазгрейв, когда отец обвинил ее в неверности. – Думаешь, мне приятно сидеть здесь и смотреть, как ты надираешься? Я молода и хочу радоваться жизни, хочу веселиться. Не для того я вышла замуж, чтоб быть сиделкой старика.

Гизела не разобрала, что ответил отец, но на следующий вечер, вернувшись с охоты, он напился до бесчувствия в курительной комнате, пока Харриет флиртовала в гостиной со своим очередным молодым кавалером.

С каждым годом Харриет все труднее и труднее удавалось завладеть чьим-либо вниманием. Да она никогда и не была привлекательной: грубые, резкие черты лица, желтоватый цвет кожи и фигура, которую одна сварливая старая сплетница описала как «фонарный столб с талией». Она была пятой дочерью в семье мелкопоместных дворян старинного рода, и ей трудно было найти себе мужа. Вдовец – сквайр Мазгрейв – был для нее последним шансом. Не было никаких сомнений, что она любила его, когда выходила замуж. Впрочем, она любила бы любого другого, кто только бросил в ее сторону взгляд.

Но замужество не принесло ей пылкой, вечной любви, которой она жаждала всей душой и телом. Она не любила охоту, так как боялась лошадей, и презирала самозабвенную преданность ее мужа и почти всех мужчин в округе этому увлечению, казавшемуся ей просто смешной тратой времени. Она принадлежала к тому типу женщин, кто хочет быть центром всеобщего внимания. Поэтому она так и не смогла простить сквайру, что он вернулся к охоте, как только закончился медовый месяц, и предпочитал проводить большую часть дня в компании своих лошадей, а не рядом с ней.

Харриет невзлюбила Гизелу с того момента, как впервые взглянула на нее. Причина такой нелюбви была до сих пор непонятна девушке – то ли из-за ее природной скромности, то ли из-за забитости.

Аллея, ведущая к Грейнджу, была длинной и заросшей. Массивные дубы, растущие вдоль нее, роняли капли дождя на усыпанную гравием дорогу со стоячими лужами, которые множились из-за того, что дорогой давно никто не занимался; по траве по обе стороны расползлись заросли шиповника и ежевики.

Когда вдали показался дом, можно было сразу заметить, что ему тоже не помешал бы ремонт. Краска вокруг окон облупилась, несколько стекол на фасаде были с трещинами или вообще отсутствовали, каменный портик обвалился. По красной кирпичной стене дома вскарабкался безо всякой опоры плющ; от всего строения веяло обветшанием и разрухой.

Гизела, однако, настолько привыкла к своему дому, что не находила ничего особенно плохого в его внешнем виде. Утренний дождь дочиста вымыл крыльцо, так что оно даже лучше смотрелось, чем обычно; правда, на скобах для чистки сапог осталась засохшая грязь, и несколько собак уже успели наследить, пробежав по ступеням и натертому полу прихожей.

В большой и темной прихожей обшитые дубом стены были увешаны портретами Мазгрейвов, живших еще при Карле II. В доме стоял нестерпимый холод. Огонь не разожгли, хотя кто-то швырнул охапку дров в огромный открытый камин. Гизела вздохнула. Стоит ей уйти – всегда одно и то же. Джеймс ни на что не годен. Чуть ли не полудурок, но где еще они могли бы найти такого дешевого лакея? Хилл, дворецкий, уже давно не работник. Ему вот-вот стукнет семьдесят пять. Он и так почти ничего не видит и не слышит. Единственное, на что он способен, – принести бутылку вина, которую требовал отец, едва переступив порог дома. Гизела подозревала, что, прежде чем перелить вино в графин, старик прикладывался к бутылке, а потом утром допивал остатки.

Девушка сняла накидку, бросила ее на стул и присела перед камином, чтобы разжечь огонь. Тут же с лестницы донесся голос:

– Это ты, Гизела?

Гизела не знала, что делать. Так почти инстинктивно засомневался бы любой человек, который не хочет отвечать и надеется, вопреки всему, что, может быть, его не заметят.

– Гизела!

Голос был резким и очень пронзительным.

– Да.

– Я так и думала, что не ошиблась, услышав шаги. Почему ты сразу не ответила? Где ты была?

– В Таусестере. Вы знаете, выполняла поручение.

– Ну так что? Почему ты задержалась? Сейчас же ступай наверх. Ты мне нужна.

– Я только хотела разжечь огонь.

– Оставь это. Иди сюда.

Гизела поднялась с колен, отряхнула пыль с юбки, и в ту же секунду перед ее мысленным взором неожиданно промелькнула картина: незнакомец в лавке шорника с королевским достоинством и гордостью медленно ступает по деревянному полу.

«Как бы он поступил на моем месте?» – подумала она и сразу поняла, что никогда, ни при каких обстоятельствах он не оказался бы в таком положении, во всяком случае, не потерпел бы его. Он нашел бы выход, противостоял бы своим недругам благодаря силе воли и характеру.

– Гизела! – прозвучало более настойчиво.

– Иду, – отозвалась девушка. – Иду.

Она поднялась по лестнице почти бегом, ее охватил тот глупый детский страх, который всегда вызывала в ней мачеха. Это началось, когда Харриет впервые появилась в доме, и за все последующие годы чувство страха и беспомощности не смогло рассеяться.

Двери большой спальни, выходящей на лестничную площадку, были нараспашку. В комнате стояла огромная кровать с пологом, на которой спали леди Харриет и сквайр, когда он был не настолько пьян, что ему приходилось проводить ночь в своем кресле в курительной. Обстановка комнаты удивительно не соответствовала облику Харриет; все здесь говорило о легкомыслии и женственности – розовые атласные занавески, кисейные оборочки на туалетном столике, купидоны, летящие по расписному потолку, и крошечные стулья на тонких золоченых ножках, перенесенные сюда из какой-то комнаты внизу.

Посреди спальни замерла Харриет – высокая, угловатая, с темными волосами, рассыпавшимися кольцами по широким скулам. Она казалась незванным гостем в собственной комнате, хотя не оставалось ни малейшего сомнения, кто хозяин и здесь, и во всем доме.

– Где ты копалась, несносная девчонка? – набросилась она на Гизелу, как только та вошла. – Тебе прекрасно известно, что я собиралась сегодня обедать в замке в этом лиловом платье. Кружево внизу оторвано. Еще на прошлой неделе я велела тебе пришить его.

– Мне кажется, вы ошибаетесь, – робко возразила Гизела. – Я не помню, чтобы вы упоминали об этом.

Вместо ответа леди Харриет метнулась к Гизеле, схватила ее за плечо, сильно впившись пальцами, и поволокла к кровати, где было разложено платье, о котором шла речь.

– Раз так, смотри сама, – сказала она, отвешивая падчерице увесистый подзатыльник. – Смотри хорошенько. Ведь ты убирала платье. Разве я не говорила тебе тысячу раз – прежде чем вешать платье в шкаф, посмотри, не нужно ли где-нибудь заштопать или починить?

Она принялась грубо трясти Гизелу, все глубже впиваясь ногтями в руку девушки, так что та даже вскрикнула от боли.

– О, прошу вас! Мне больно.

– И будет еще больнее, если ты сию же секунду не займешься платьем, – ответила леди Харриет. – Ты маленькая ленивая тупица. Ничего не можешь сделать, о чем тебя просят. Ну какой от тебя толк, хотела бы я знать? Берись за иголку с ниткой и не смей выходить из комнаты, пока не закончишь работу.

– Могу ли я сначала выпить чашку чая? – попросила Гизела. – В Таусестере было так холодно, что у меня окоченели пальцы.

– Работа их согреет, – отрезала леди Харриет. – Я уже сказала, что тебе нужно делать. Распивать чай некогда. Пошевеливайся! Слышишь меня? Сегодня вечером я должна быть в этом платье, или получишь взбучку, которую не скоро забудешь.

И она толкнула Гизелу так, что та полетела по комнате к самым дверям. С трудом удержавшись на ногах, девушка открыла дверь и помчалась вверх по лестнице в свою комнату, бросила накидку и шляпу на кровать. И хотя она знала, что волосы ее в полном беспорядке, растрепанные ветром и примятые шляпой, она не посмела задержаться даже на минуту, чтобы привести себя в опрятный вид. Взяв рабочую корзинку, она поспешила вернуться в комнату мачехи и с облегчением обнаружила, что леди Харриет уже ушла.

Проворно придвинув стул к кровати, она начала пришивать крошечными, почти невидимыми стежками кружевной волан, который оторвался от затейливых оборок по подолу платья. Только сев за работу, Гизела почувствовала, что рука там, где схватила ее мачеха, была в синяках и слегка ныла. К тому же девушка до сих пор ощущала острую боль в затылке от костлявых пальцев леди Харриет. Глаза Гизелы наполнились слезами. Почему, спрашивала она себя, что бы она ни сделала – все не так? Почему она не могла все предусмотреть и вовремя обо всем позаботиться? Она и вправду изо всех сил старалась умиловить леди Харриет – не столько ради себя, сколько ради отца и всех домочадцев.

– Никак не пойму, почему бы тебе не постараться угодить своей мачехе, – не раз упрекал ее отец.

Но Гизела не могла объяснить ему, что, как бы она ни старалась, леди Харриет никогда не будет довольна. Отец представить себе не мог, как жестоко она обращалась с Гизелой, без конца награждая ее пинками и щипками. Еще с тех пор, как Гизела была ребенком, леди Харриет находила малейший повод, чтобы поколотить ее. Разбитая чашка, невыполненное поручение, случайная реплика, которая расценивалась как дерзость, – все это приводило к тому, что леди Харриет доставала тонкий жесткий кнутик для собак, который держала у себя в спальне специально для этой цели.

Шли годы, Гизела пыталась протестовать против такого унижительного наказания, говоря, что она уже взрослая. Но маленькая и щуплая девушка была не в состоянии противостоять гораздо более сильной мачехе. Гизела знала также из своего печального опыта, что протесты и крики только больше злили леди Харриет, так что она принималась стегать свою падчерицу еще сильнее и яростнее. В такие минуты в глазах женщины появлялся зловещий огонек, а губы кривились в жестокой усмешке. Гизела не понимала, отчего это происходит, и страшно пугалась такого неестественного и злобного проявления чувств.

Теперь, сидя за шитьем, Гизела смахивала слезы. Как глупо, что она обращает на мачеху внимание! Сколько раз она себе повторяла, что леди Харриет ничего в ее жизни не значит! Ну почему бы ей не думать вместо мачехи о своей матери? Такой доброй и такой красивой. А какое счастье здесь царило, когда она была жива! Весь дом казался наполненным смехом, они ели только самое вкусное, а слуги работали охотно и весело. В то время они были несколько не богаче, но средств им хватало. Деньги не уходили, как теперь, на немислимые туалеты леди Харриет, на меха и шляпки, драгоценности, веера и безделушки. И все это для того, чтобы попытаться заманить в ловушку какого-нибудь недалекого зеленого офицера из соседней казармы или очередного искателя приключений, которому только и нужно, что бесплатная еда и кров. Деньги, которые раньше расходовались на дом и сад, все теперь уходили на старания леди Харриет сохранить или создать красоту, которой она никогда не обладала. Но было бы удивительно, если бы кто-нибудь пожалел мужеподобную громогласную мегеру, которая умудрилась превратить жизнь своих домочадцев в сплошной ад.

– Ох, мама, мама, – всхлипнула Гизела. – Ну почему ты умерла?

Девушка очень хорошо помнила тот вечер. Всю неделю накануне ее мать чувствовала себя превосходно и была еще прекрасней, чем всегда. Красоту ей придавала вера в то, что наконец-то сбудется ее заветная мечта.

– Гизела, я собираюсь подарить тебе маленького братика, – сказала она, обняв десятилетнюю девочку.

– Ой, мама, а когда? – обрадовалась Гизела.

– Уже совсем скоро, дорогая.

Они принялись возбужденно обсуждать радостную новость, потом в комнату вошел отец.

– Ты уже сказала ребенку, Стефани? – спросил он.

Мать взглянула на него сияющими глазами.

– Она тоже очень счастлива, Джордж.

– Но ты не должна разочаровываться, если это окажется девочка, – сказал он, и Гизела сразу поняла по тому, как голос отца стал неожиданно хриловатым, что он старается скрыть свои чувства, скрыть восторг, который он разделял вместе с ними.

– Это будет сын, – ответила его жена. – Сын для тебя, Джордж, ведь ты так этого хотел, а я очень переживала, что не могу тебе его подарить.

– Неужели ты думаешь, мне кто-нибудь нужен, кроме тебя?

Отец опустил на колени рядом со стулом матери и обнял ее. Они оба забыли, что на них смотрит их дочурка.

Поздним вечером, когда Гизела была уже в кроватке, она услышала крик. Утром она узнала, что ее мать, спускаясь по лестнице к обеду, оступилась и упала, пролетев вниз от первой ступеньки до последней. В ту же ночь преждевременно родился ребенок. Это был мальчик. И он, и его мать оба умерли прежде, чем солнце поднялось над холмами.

С того момента все переменилось. Сначала сквайр Мазгрейв словно умом тронулся, метался по дому, требовал новых и новых докторов, специалистов, любого, кто смог бы вернуть к жизни его жену. А затем, после похорон, он погрузился в полное отчаяние, из которого никто не мог его вытащить. В течение нескольких месяцев он находился в безнадежном состоянии, пока не наступил охотничий сезон и его не заставили выехать поохотиться на лисят, хотя бы ради своих лошадей. Так был спасен его разум.

Гизела так и не узнала, как и где он познакомился с леди Харриет. Хотя Гизела была еще совсем ребенком, она стала подмечать, что леди Харриет все чаще и чаще к ним навещает; она приходила без приглашения, по ее собственному выражению, «заглядывала на огонек», надеясь застать сквайра дома. Следовали затянувшиеся приемы в курительной комнате, где они болтали и смеялись без умолку, вечера, когда она приводила с собой нескольких друзей к обеду. Довольно часто леди Харриет принимала сквайра в своем доме.

И вот однажды наступил вечер, когда Гизела, сидя за фортепиано в гостиной, оторвала взгляд от клавиш и увидела их стоящими в дверях. Отец был пьян. Она сразу поняла это по глупому выражению его лица, по тому, как он качнулся, входя в комнату. Ничего необычного в этом не было, она спокойно отнеслась к такому состоянию отца. Но вот в леди Харриет произошла какая-то перемена. Гизела сразу почувствовала это, как только встала из-за фортепиано, застенчиво и немного неловко.

– Я... разучивала гаммы, – пояснила Гизела, как будто нужно было что-то объяснить.

– У нас с отцом есть для тебя новость, – сказала леди Харриет.

Гизела сразу догадалась, какая именно, – по голосу и по недоброму огоньку, мелькнувшему в глазах леди Харриет.

– Сегодня утром мы поженились.

Несколько слов ранили почти смертельно. Гизела не смогла произнести ни звука, а только стояла и молча смотрела на них.

– Ты не хочешь нас поздравить?

В голосе леди Харриет прозвучали удовлетворение и ядовитость одновременно, слова стегнули Гизелу как кнут.

– Нет, нет! Это неправда! Этого не может быть!

Девочка услышала свой голос – пронзительный и испуганный. Все это напоминало дурной сон – ночной кошмар, от которого она должна проснуться в любую секунду. Но когда она кричала, когда беспомощно переводила взгляд с одного на другого, она знала, что это правда. Папа женился на леди Харриет. Кто-то занял место ее матери!

Глава 2

Гончие мчались во весь опор, и Гизела, чувствуя на щеках бодрящий утренний ветерок с легким морозцем, летела за ними как на крыльях. Лошадь под ней была отлично вышколена, и они неслись галопом по пересеченной местности, легко перепрыгивая через все препятствия. Затем, оставив лесной массив слева, они выехали в открытое поле. Впереди мелькала стая гончих, алые куртки охотников ярким пятном выделялись на фоне голубого неба.

Захваченная преследованием, Гизела обо всем забыла, как всегда с ней случалось во время охоты. Сердце наездницы обуял дикий восторг, который рос с каждым препятствием, взятым лошадию. Вскоре очень многие охотники остались позади, но самые ловкие и отважные продолжали погоню. Только тогда Гизела увидела фигурку женщины, мчавшейся немного впереди. Сначала она заметила темную амазонку на сером коне, который перелетал, словно сам Пегас, через препятствия, становившиеся все выше и опаснее, так что все меньше охотников рисковало брать их.

Мимолетный интерес Гизелы перерос в любопытство. Нечасто кому-то удавалось преодолеть ее в верховой езде. Она знала здесь каждый дюйм и немедленно оказывалась впереди тех наездниц, которые также обладали большим опытом и были столь же храбры.

Гизела чуть подстегнула свою лошадь. Незнакомка по-прежнему была впереди, не сбавляла темпа, и Гизела подумала, что похоже, будто она срослась со своим конем в одно целое. Сравнение показалось знакомым, и Гизела сразу вспомнила разговор двух фермеров в лавке Тайлера. Это, должно быть, та самая женщина, о которой они говорили, всадница, вызвавшая их восхищение настолько, что они вспоминали о ней почти с благоговением.

Теперь они неслись стремглав по скошенному полю с отлогим спуском, но Гизела так и не сумела догнать наездницу на сером скакуне. Именно в этот момент ее пронзила внезапная тревога – она вспомнила, что их ожидает впереди: там находилась очень высокая ограда, а за ней – коварный ров, что делало абсолютно невозможным благополучное приземление. Гизела знала только одно безопасное место для прыжка, но откуда могла знать о нем незнакомка?

Гизела подстегнула лошадь, которая и так скакала во весь опор и не могла больше ускорить шаг. Девушка со страхом увидела, что незнакомая женщина направила коня прямо к центру ограды. Гизела попыталась кричать, но из-за стремительной погони крик сорвался с ее губ и не достиг незнакомки.

– Остановитесь! Осторожно!

Слова замерли у нее в горле; зная, что теперь ничем не помочь, Гизела управляла своей лошадию, а незнакомка тем временем взяла препятствие. Конь и всадница мелькнули грациозным силуэтом и исчезли из виду.

Гизела поспешила перепрыгнуть через ограду в том месте, где, как она знала, было безопасно. Ее лошадь легко справилась с задачей и благополучно приземлилась по ту сторону. Гизела оглянулась и увидела то, что предполагала, – конь без всадницы мчался галопом по полю, а рядом со рвом лежало распростертое неподвижное тело. На секунду Гизеле стало жаль, что она отстала от охотников. Гончие умчались далеко вперед, и ее сердце было там, среди охотников, продолжавших травлю. Но чувство жалости и сострадания заставило ее поспешить к лежавшей на земле женщине.

Она подъехала к ней, спешила и, опустившись на колени, осторожно перевернула неподвижное тело. Голова незнакомки откинулась на руку Гизелы. Ее лицо было таким бледным, лишенным какой-либо краски, что Гизела на секунду перепугалась, не сломана ли у нее шея. Но тут же убедилась, что тревожится напрасно – женщина дышала. Гизела осмотрелась вокруг, чтобы позвать на помощь. Поблизости никого не оказалось, только вдалеке

постепенно затихал лай собак. Она вновь взглянула в лицо женщины, которую держала на руках, и увидела, как у нее затрепетали веки и она открыла глаза.

Тут Гизела поняла, что никогда в жизни ей не доводилось видеть столь прекрасное лицо. Оно приковывало к себе изысканной, лучезарной красотой, даже несмотря на бледность; а глаза незнакомки, большие и блестящие, казалось, занимают пол-лица.

– Как вы себя чувствуете? – мягко поинтересовалась Гизела, когда женщина вопросительно взглянула на нее. – Вы упали, но надеюсь, все кости целы.

– Я... упала?

Слабый голос повторил слова немного удивленно, а потом женщина попыталась сесть, как показалось Гизеле, почти с нечеловеческим усилием.

– Не спешите двигаться, – предостерегла ее Гизела. – После падения с обмороком всегда наступает момент, когда чувствуешь себя ужасно.

– Со мной... все... в порядке, – проговорила незнакомка. – Но... где мой конь?

– Его поймают, – успокоила ее Гизела.

Женщина на секунду прикрыла глаза, как будто все поплыло перед ней, и прислонилась к Гизеле.

– Вот, я же говорила, – уверенно произнесла девушка. – Вы не должны делать резких движений. Такое падение может быть очень опасным.

Незнакомка глубоко вздохнула.

– Через минуту все будет в порядке, – заверила она, и только в этот момент Гизела обратила внимание, что говорит она с иностранным акцентом.

Ее английский был безукоризнен, но что-то в интонации, в том, с какой очаровательной непохожестью она произносила слова, вызвало у Гизелы неожиданный приступ ностальгии. Так разговаривала ее мать. Как хорошо была знакома девушке такая речь, немного певучая и растянутая. Ей очень хотелось попросить: «Еще, пожалуйста. Скажите еще что-нибудь». Но незнакомка сильно ушиблась. Гизела поняла, что должна доставить ее в безопасное место, а потом, быть может, ей удастся еще поохотиться.

– Как думаете, сумеете добраться до фермы на холме? – спросила Гизела. – Вы поедете на моей лошади, а я пойду рядом. Как только мы окажемся там, то, возможно, пошлем кого-нибудь найти для вас карету.

Незнакомка взглянула на домик, который виднелся за деревьями неподалеку.

– Я постараюсь, – согласилась она и неуверенно поднялась на ноги.

К счастью, как и предполагала Гизела, переломов не было. Затем, с небольшим усилием, потребовавшимся от обеих женщин, незнакомка оказалась в седле. Она такая легкая, словно перышко, подумала Гизела и восхитилась ее осанкой. А как изящно ее облегла амазонка! Даже заляпанная грязью, она сохранила элегантность, при виде которой Гизела вспомнила о собственной потертой курточке и изношенной до дыр юбке. Она заметила, что на незнакомке высокие зашнурованные ботинки с миниатюрными золотыми шпорами. И вся она такая миниатюрная: и талия, на которой легко смогли бы сомкнуться пальцы мужских рук, и изящная шея, и плавная выпуклость груди.

К счастью, лошадь Гизелы снизошла до того, что шла тихим, спокойным шагом, осторожно неся свою хрупкую ношу. Не было никаких сомнений, что дама с трудом держится в седле. Несколько раз по дороге ее качнуло, и Гизела перепугалась, как бы она не упала еще раз. Но незнакомка с усилием удержалась, и вскоре они добрались до фермы, где Гизела помогла ей тихонько спуститься, а миссис Ренолдз, жена фермера, поспешила им навстречу.

– Я так и думала, что это вы, мисс Мазгрейв, – сказала она. – Вы упали с лошади?

– На этот раз не я, миссис Ренолдз, – ответила Гизела, – а вот эта леди. Она очень сильно ушиблась. Можно ей у вас немного передохнуть?

– Ну разумеется, мисс. Добро пожаловать. Проходите в гостиную. Я сейчас же разожгу там огонь.

Миссис Ренолдз оживленно засуетилась, провожая их в маленькую чопорную гостиную рядом с большой кухней. В холодной комнате было по-особому душно, как бывает в помещениях, которыми редко пользуются. Гизела предпочла бы остаться в большой теплой кухне и посидеть перед плитой, но ей показалось, что незнакомую даму такое предложение может шокировать, и поэтому девушка помогла ей усестись в кресло, пока миссис Ренолдз возилась у камина, разводя огонь.

– Я сейчас приготовлю по чашечке чая, мисс, – сказала хозяйка дома, поднимаясь с колен.

– Вы не могли бы послать кого-нибудь из мужчин за каретой леди? – спросила Гизела.

– Как раз в эту минуту в доме нет ни одного мужчины. Они сейчас на молотье в Медоубруке, и вы хорошо знаете, мисс, так же как и я, что до Медоубрука добрых две мили. В доме только маленький Херберт. Ему еще нет девяти, но он смысленный мальчик, и, если вы подробно расскажете ему, что нужно делать, уж он постарается.

– Я уверена, Херберт справится, – сказала с улыбкой Гизела и, повернувшись к незнакомке, которая в изнеможении откинулась на спинку кресла, спросила: – Скажете мне, куда послать мальчика?

Женщина с трудом приподнялась.

– Графиня Гогенемз, – представилась она. – Я остановилась в Истон Нестоне.

– Истон Нестон! – повторила Гизела. – О, это недалеко. Если маленький Херберт пойдет напрямик через поля, то будет там минут через двадцать-тридцать самое большее.

– Я сию минуту его отправлю, миледи, – пообещала миссис Ренолдз с чрезвычайным почтением. – А пока займусь чаем.

Она заторопилась из комнаты, а Гизела принялась ворошить кочергой сырые поленья, чтобы они ярче горели. Она не разговаривала с графиней, зная по себе, как раздражают суэта и разные вопросы, когда плохо себя чувствуешь. Очень скоро в комнату вернулась миссис Ренолдз. Она несла поднос с большим керамическим чайником и двумя толстыми кружками.

– Мой праздничный фарфоровый сервиз далеко убран, мисс, – как бы извиняясь, обратилась она к Гизеле. – И мне не хотелось бы терять время, доставая его из шкафа. Так что прошу извинить меня, что не могу предложить ничего более изящного.

– Пользу приносит чай, а не что-нибудь иное, – ответила Гизела.

Она налила чай в кружку, добавила молока и сахара, не спросив у графини, как та предпочитает пить чай. Старик доктор очень часто ей говорил:

– Если у вас не оказалось при себе бренди, когда вы упали, то выпейте чашку горячего чая с сахаром, и он быстро восстановит ваши силы.

Доктор, если мог, не пропускал ни одного дня охоты, и сейчас Гизела вознамерилась последовать его совету.

– Пожалуйста, постарайтесь выпить как можно больше, – сказала она, передавая кружку в руки дамы.

Незнакомка стянула перчатки, и Гизела с удивлением заметила, что на ней было надето целых три пары, одна в другой. Она взяла чашку длинными тонкими пальцами с отполированными ноготками и поднесла ко рту. В первый раз после того, как они оказались в этой комнате, Гизела с любопытством взглянула на свою спутницу. Она была восхитительна. Никогда еще Гизеле не приходилось видеть такую красоту. И дело тут было не только в тонких чертах лица, не только в безукоризненной коже или в сиянии глаз. В ее красоте было нечто большее, не поддающееся описанию.

Графиня выпила всю чашку теплого сладкого чая.

– Мне гораздо лучше, – сказала она. – Силы возвращаются. Большое вам спасибо.

– Ничего нет лучше чашечки чая, – бодро заявила миссис Ренолдз. – А вы не хотели бы перекусить? Только что снесенное яичко или, быть может, кусочек домашней ветчины?

– Я бы с удовольствием отведала вашей ветчины, миссис Ренолдз, – улыбнулась Гизела. – Мне отлично известно, как она вам удается. Найдете для меня ломтик?

– Как вы можете сомневаться, мисс? – отозвалась миссис Ренолдз. – А что для вас, миледи?

– Мне ничего не нужно, спасибо, – приятным голосом проговорила дама. – Хотя если можно, то немного фруктов.

– Фруктов! – воскликнула миссис Ренолдз. – Дайте подумать. Кажется, с прошлого года осталось одно-два яблока. Если вам угодно, миледи, я мигом поднимусь на чердак.

– Спасибо, – поблагодарила графиня.

Миссис Ренолдз вышла из комнаты. Графиня подняла руки и сняла с головы маленький цилиндр, который таинственным образом удержался на месте, несмотря на падение. Только тут Гизела обратила внимание на ее волосы. Туго сплетенные косы, аккуратно заколотые вместе, занимали полголовы и служили крепким основанием для шляпки. Они отсвечивали от языков пламени яркой медью, переливаясь, как живые.

– Вот так лучше, – сказала графиня. – У меня болит голова, но это пройдет. Мне еще повезло, что я так легко отделалась. Я всегда так сержусь на себя, когда мне случается упасть с лошади. И не столько из-за ушибов, сколько из-за невозможности продолжить погоню.

Она взглянула в лицо Гизеле и добавила:

– Я и вас заставила прервать охоту. Мне так жаль. Я поступила очень эгоистично, и единственное, что мне остается, – сказать спасибо за то, что вы оказались доброй самаритянкой.

– Я рада, что смогла помочь вам, – сказала Гизела.

– Почему бы вам не уйти сейчас? – спросила графиня. – Вряд ли охотники уехали слишком далеко. Поспешите, и вы их догоните.

Гизела колебалась ровно секунду. Она тут же вспомнила, что дама не знает этих мест, и подумала, что будет верхом невежливости покинуть ее в такую минуту. Кроме того, юный Херберт может не отыскать дороги в Истон Нестон, и тогда ей самой придется поехать туда и сообщить, чтобы прислали карету.

– Нет. Я не оставлю вас, – сказала она. – Пока не буду убеждена, что за вами пришла карета.

– Вы очень добры, – поблагодарила графиня. – Скажите, я не могла видеть вас раньше?

– Нет, уверена, что нет, – ответила Гизела. – Потому что если бы я встретила вас где-нибудь, то никогда бы этого не забыла.

В ее голосе прозвучало столь явное восхищение, что графиня улыбнулась.

– Спасибо, – сказала она. – Но все же ваше лицо мне знакомо. Уверена, что видела вас раньше, но не могу вспомнить где.

– Вы давно в Англии? – спросила Гизела.

– Нет. Я приехала неделю назад, – ответила графиня. – Мне всегда хотелось поохотиться здесь, в вашей прекрасной стране. А вот теперь и трех дней не прошло с начала охоты, как я совершила такую глупость – упала.

– Вы не виноваты, – поспешила заверить ее Гизела. – В этом месте любой бы упал. Просто вы не знаете здешнего ландшафта.

– Да! Вот почему завтра я ожидаю приезда одного человека, который взялся быть моим провожатым, – сообщила графиня. – Он сейчас в Ирландии покупает для меня лошадь. С завтрашнего дня я уже не совершу подобной ошибки.

– Я рада, – сказала Гизела. – А вы уверены, что этот человек хорошо знаком с местностью?

– Да, да! Капитан Бэй Миддлтон все здесь знает. Ему известен каждый дюйм. Вы слышали о нем?

– Ну конечно! – воскликнула Гизела. – Капитан Миддлтон прекрасный наездник. Известнейший человек. Однажды я видела, как он выиграл скачки и вызвал восторг у всех. Его приветствовали даже букмекеры, которые потеряли деньги из-за его победы.

Графиня улыбнулась.

– Как это на него похоже! Он великий спортсмен. Будь он рядом со мной сегодня, мы оба успели бы к финалу охоты.

– Уверена, что так, – согласилась Гизела.

В гостиную торопливо вошла миссис Ренолдз с тарелкой ветчины и небольшой корзиной яблок. Графиня выбрала одно, но откусила всего несколько раз. Что касается Гизелы, то она съела ветчину до последнего кусочка, а потом уселась на ковер перед огнем и тоже сняла шляпку. Девушка больше не жалела, что не смогла участвовать в охоте. В графине было столько очарования, которого она не встречала до сих пор ни у одной из женщин, что Гизела сидела рядом с ней как замороженная. Даже просто смотреть на нее было радостно.

– О! А у вас, оказывается, тоже рыжие волосы! – воскликнула графиня, когда Гизела небрежно отбросила свою шляпку в сторону.

– Да, но не такие, как ваши, – улыбнулась Гизела.

Отправляясь на охоту, она зачесала волосы назад и спрятала их под грубую сетку, которая не позволяла им растрепаться от быстрой езды. У Гизелы волосы тоже были цвета меди, но совершенно не похожи на блестящие, с танцующими огненными бликами косы графини, плотно охватывающие ее изящную головку.

– Где я вас раньше видела? – снова промолвила графиня. – Это уже начинает меня беспокоить.

– Я думаю, вам не удастся припомнить ни одного случая, когда мы могли бы с вами встретиться, – засмеявшись, проговорила Гизела. – Я живу здесь всю жизнь, никуда не езжу, никого не вижу, кроме как во время охоты.

– А разве на охоте вы ни с кем не общаетесь? – удивилась графиня. – С мужчинами, например.

Гизела рассмеялась.

– Нет, конечно, – ответила она. – В Англии люди не разговаривают, пока их друг другу не представят. А меня здесь некому представить. Кроме того, я не настолько важная особа, чтобы привлечь внимание таких знатных джентльменов, какие входят в общество «Байсестер» или примыкают к герцогской охоте. Они принадлежат к самым известным домам в округе, и большинство из них напускают на себя чрезвычайно важный вид.

Графиня рассмеялась.

– А почему они себя так ведут?

– О, для этого у них множество причин, – сказала Гизела. – Видите ли, все они очень богаты и знатны. Они в самом деле важные птицы. Так зачем же им утруждать себя разговорами с такой незначительной особой вроде меня?

– Мне кажется, вы слишком скромны, – заметила графиня. – Будь я на вашем месте, то не стала бы забиваться в угол. Я завела бы себе друзей, много друзей. И тогда, я уверена, вы бы научились наслаждаться жизнью.

Гизела слегка вздохнула. Какой легкой кажется жизнь в представлении этой прекрасной незнакомки, которая ничего не знает о том, как на самом деле обстоят дела у Гизелы – жизнь в родном доме, полная унижения и брани; вечное отсутствие денег, невозможность купить себе что-нибудь из одежды или пойти в гости, когда ее приглашают; отец, равнодушный ко всему, кроме охоты и портвейна по вечерам; болезненное одиночество, когда она вспоминает свою маму и те счастливые дни, которые выпали ей в раннем детстве. О таких

вещах незнакомому человеку не расскажешь. Да и как можно ожидать, что тебя поймет прекрасная дама, обладательница медных волос?

Графиня внимательно вглядывалась в лицо Гизелы при свете огня.

– Вам кажется, что я говорю чепуху? – спросила она.

– Нет, нет! Вовсе не чепуху, – поспешила заверить графиню Гизела. – Вы ведь хотели как лучше. Просто вы не все знаете, поэтому вам многое не понять.

– А если попробовать рассказать мне, может быть, пойму? – спросила графиня.

Гизела вспыхнула.

– Нет! Нет! Я не буду утомлять вас разговорами о себе. Расскажите мне лучше, зачем вы приехали в Англию. Никогда не думала, что иностранки такие превосходные наездницы и так чудесно выглядят верхом на лошади.

Девушка говорила с жаром, от ее обычной застенчивости и следа не осталось, она и предположить не могла, что когда-нибудь сможет беседовать с совершенно незнакомым человеком так легко и свободно. Но тут вдруг Гизела позабыла о своей застенчивости рядом с этой прекрасной женщиной, которую она спасла и которая не внушала ей никакого благоговейного страха, как наверняка случилось бы при других обстоятельствах. Гизела разговаривала с графиней как со своей сверстницей. Да она и не могла быть намного старше. Выглядела незнакомка очень молодо, у нее была стройная фигура и гладкое девичье лицо, с которого постепенно исчезла бледность.

Графиня заливисто рассмеялась.

– Вы бьете меня моим же оружием, – сказала она. – Я не хочу говорить о себе. Об этой особе я знаю слишком много, и, поверьте, это не всегда забавно. Поговорим лучше о вас.

– О, это очень скучно, – заверила ее Гизела. – Но прежде чем мы двинемся дальше, не хотели бы вы снять жакет? В комнате становится тепло.

– Нет, это невозможно, – ответила графиня. – Как бы жарко ни было. Жакет на мне зашит.

– Зашит?! – удивилась Гизела.

Графиня кивнула.

– Всякий раз, когда я отправляюсь на охоту, ко мне приходит мой портной и пришивает юбку амазонки к жакету. Тогда весь костюм облегает фигуру, если можно так сказать, как перчатка.

– Так вот почему у вас такой безукоризненный вид! – воскликнула Гизела. – Удивительно. Никогда раньше не слышала, чтобы кто-нибудь делал подобное.

Графиня улыбнулась ее словам.

– Я много делаю из того, что люди никогда не делали раньше, – сказала она. – А почему бы нет? Иногда можно стать и законодательницей мод.

– Кроме того, вы носите три пары перчаток, – добавила Гизела. – Я заметила.

– Да, – призналась графиня. – У меня очень нежная кожа. Если мне попадается норовистая лошадь, то поводья больно врезаются в пальцы, поэтому я всегда ношу три пары – последняя, как вы видите, чудесно вышитые перчатки с крагами. Их специально сделали по моему заказу.

– Вы, должно быть, очень богаты, – почтительно заключила Гизела.

В эту секунду дверь с силой распахнулась, и в комнату вошел мужчина. Он замер на какое-то мгновение, уставившись на графиню с выражением огромного облегчения на лице, а затем в два прыжка оказался рядом с ней, опустил на колено и поднес ее руку к губам.

– Вы живы, мадам, – заговорил он по-немецки. – Я чуть с ума не сошел, когда увидел, что ваш конь скачет без наездницы. Представить себе не мог, что случилось. Надеюсь, ваше величество, вы не пострадали? Переломов нет?

Гизела с детства говорила по-немецки со своей матерью. Сейчас, когда она услышала, как обращается этот господин к даме, сидящей в кресле, она замерла, ошеломленная, а потом поспешно вскочила. Теперь она все поняла. Как глупо и смешно, что эта догадка не осенила ее раньше! Примерно три месяца тому назад ходили слухи о визите австрийской императрицы в Англию. Говорили, что она изъявила желание поохотиться и что, весьма вероятно, она появится в Нортгемптоне, так как ее сестра, королева Неаполитанская, уже находилась в графстве. Гизела слышала, как ее мачеха вздохнула и обсуждала эти новости, но жизнь высшего общества, в особенности королей и императриц, казалась настолько далекой от ее собственной, что девушка не обращала внимания на подобные разговоры.

Теперь, стоя на ковре, охваченная легкой дрожью от смущения, она корила себя, что не догадалась обо всем раньше. Ну конечно, это изысканное, изумительное создание было прекрасной императрицей, которой восхищалась вся Европа. Елизавета Австрийская не знала равных, когда речь заходила не только о красоте, но и об умении держаться в седле.

– Тише, Рудольф, – обратилась графиня к человеку, стоявшему перед ней на коленях. – Нет никаких причин для волнения. Я в полном порядке, обо мне позаботились. Эта добрая молодая леди подружилась со мной и доставила сюда в полной целостности и сохранности.

Она повернулась к Гизеле и заговорила по-английски:

– Мои друзья беспокоились обо мне.

– Мадам... Ваше величество... простите меня... – залепетала Гизела по-немецки.

Императрица помолчала с минуту, а потом произнесла:

– Итак, вы говорите по-немецки.

– Да, ваше величество.

– Как это странно для английской девушки! Мне казалось, в Англии никто не утруждает себя изучением иностранных языков. Но теперь я вижу, что ошибалась. Полно, пусть мой маленький обман вас не беспокоит. Я здесь инкогнито, поэтому ко мне обращаются как к графине Гогенемз.

Она коротко рассмеялась и обратилась к джентльмену рядом с ней.

– Вот видите, Рудольф, – сказала она, – как простой намек на королевский трон все разрушает. Мы так мило болтали, словно подружки, пока вы не пришли. Теперь все испорчено. Моя подруга меня боится.

– Вы должны меня простить, мадам, – отвечал джентльмен. – Я почти лишился рассудка от беспокойства.

– А теперь я вас представляю, – объявила императрица. – Это принц Рудольф Лихтенштейнский. А вы? Единственное имя, которым я вас называла, – «добрая самаритянка». Мы долго болтали, но я так и не узнала, как вас зовут.

– Меня зовут Гизела, – смутилась девушка. – Гизела Мазгрейв.

– Гизела! Как странно! – воскликнула императрица. – У меня есть маленькая Гизела дома – моя вторая дочь. Это очень милое имя, одно из моих любимых. Никак не ожидала, что встречу с ним здесь, в сердце Англии.

– Меня назвали в честь моей бабушки, мадам, – пояснила Гизела.

– Очень хорошо. Мисс Гизела Мазгрейв – принц Рудольф Лихтенштейнский. Теперь вы знакомы.

Гизела присела в низком поклоне, взглянула на принца и увидела, что он смотрит на нее во все глаза в полном изумлении. Она подумала, что ошиблась, но спустя минуту вновь подняла взгляд: принц все еще смотрел на нее, пока наконец императрица не обратила на него внимание.

– В чем дело? – поинтересовалась она.

– Я не могу в это поверить, мадам, – сказал он. – Разве вы не видите? Невероятно, совершенно фантастично!

– Что именно? – не поняла императрица.

– Эта леди, – сказал он, – которой вы меня только что представили. Разве вы ничего не замечаете?

– Я не знаю, о чем вы говорите, – отрезала императрица чуть резковато. – Что вас беспокоит? Вы же видите, моя новая подруга смущена.

– Прошу простить, мадам. Но слишком велико мое удивление.

– А чему вы удивляетесь? – продолжала допытываться императрица. Потом вдруг ее как будто осенила какая-то мысль: – Вы тоже это заметили! Она напоминает вам кого-то... какую-то знакомую. У меня возникло в точности такое же ощущение. Мне кажется, я встречала мисс Мазгрейв раньше, но не могу вспомнить где. Быть может, вы просветите нас?

Принц взглянул на императрицу, потом снова на Гизелу. Секунду он сомневался, а потом, словно решившись на особую дерзость, произнес:

– Мадам, вы должны простить меня, если я вас рассержу. Никто и надеяться никогда не сможет, что будет обладать такой же красотой и изысканностью, как ваша, мадам. Но вы сами должны отметить несомненное сходство. Весьма бледное, это правда, но тем не менее отражение.

– О чем вы? – недоумевала императрица. Потом взглянула на Гизелу и не отводила от нее глаз до тех пор, пока неожиданно не закрыла лицо руками. – Это правда! – воскликнула она. – Это правда! Она похожа на меня.

Гизела почувствовала, как кровь хлынула к ее щекам.

«Может, они оба сошли с ума?» – подумала она и всем сердцем пожелала провалиться сквозь землю.

– Это правда! – повторила императрица. Потом вдруг протянула руку Гизеле. – Подойди ко мне, дитя. Расскажи о себе. Кто ты? Расскажи мне все откровенно.

– Мой отец, мадам, майор Джордж Мазгрейв, бывший гвардейский драгун. Здесь все его знают как «сквайра».

– А твоя мать?

– Моя мать была графиней Стефани Ганзалли, дочерью графа Фритжи Ганзалли.

– Ах во-от как! – протянула нараспев императрица. – Граф Ганзалли – твой дедушка.

– Да, мадам. Но я никогда его не видела.

– А я знаю его всю свою жизнь, – сказала императрица. – Он со своей семьей живет возле моего старого дома, замка Поссенхофен, в Баварии. Их замок расположен фактически по другую сторону озера Штарнбергер. Когда я была ребенком, я часто переплывала на лодке озеро, чтобы поиграть с детьми Ганзалли. Их было несколько и... да, я прекрасно помню Стефани. Она была старше меня, очень хорошенькая, светловолосая, с голубыми глазами, похожими на генцианы, что росли в горах, которые окружали наши дома.

– О! Вы помните мою маму, – произнесла Гизела, не веря своим ушам. – Вы помните ее, мадам! Пожалуйста, расскажите мне все, что вы знаете. Такие воспоминания очень для меня дороги.

– Твоя мать умерла? – спросила императрица.

Гизела кивнула:

– Да, мадам, она умерла, когда мне исполнилось десять лет.

– Мне очень жаль, – сказала императрица. Она помолчала немного, затем поинтересовалась: – Сколько тебе лет?

– Почти двадцать один, мадам.

– Теперь я начинаю что-то вспоминать о Стефани. Она внезапно уехала. Помню, моя мать говорила...

Императрица неожиданно замолкла и взглянула на принца. В его глазах сверкнул огонек, который невозможно было скрыть. Императрица в ответ едва заметно улыбнулась.

– Мы поговорим об этом в другой раз, – сказала она. – Теперь благодаря вам, Рудольф, я сама вижу явное сходство между нами, но объясняется это, должно быть, тем, что обе мы родом из Австрии.

– Какое может быть сходство между нами? – удивилась Гизела. – Вы такая прекрасная, мадам... Я в жизни не встречала таких красивых людей.

Императрица улыбнулась.

– Ты молода и еще не знаешь, как нужно обращаться со своей внешностью, как пользоваться тем, что даровано тебе природой, – сказала она. – Но ты тоже могла бы быть красивой. За твоими волосами нужен уход, как и за кожей лица, ты еще не научилась умению подчеркивать красоту глаз или губ. Но это придет со временем. Ах, молодость, молодость. Это единственное, чем мы не дорожим, когда нам мало лет.

В ее голосе зазвучали почти печальные нотки, и она тут же обратилась к принцу:

– Вы уже подумали о том, как доставить меня домой, Рудольф?

– Ну конечно, мадам, – ответил он. – Я тотчас послал грума за вашей каретой, как только узнал, где вы находитесь.

– А как вы это узнали? – поинтересовалась императрица.

– Мне повстречался маленький мальчик, который шел через поле, когда мы разыскивали вас. К тому времени мы уже поймали вашего коня. Мы спросили у ребенка, не видел ли он или, может, слышал, что кто-то упал с лошади. Тогда он рассказал нам, что в фермерском доме находится леди, которая послала его в Истон Нестон за каретой.

– Как все просто! А я-то думала, что вы действовали как настоящий охотник и вас привели сюда мои следы.

– Вы же знаете, я пошел бы по вашим следам куда угодно, – тихо ответил принц.

Императрица снова рассмеялась и тронула его руку.

– Вы мне льстите, Рудольф, – сказала она. – По правде говоря, я ужасно зла на себя за такую глупость, как падение в самый разгар охоты.

– Если бы вы позволили мне сопровождать вас... – произнес принц.

– Вы недостаточно быстро ездите, – парировала императрица. – Завтра здесь будет капитан Миддлтон, вот тогда мы вам продемонстрируем, что такое настоящая погоня.

– Не сомневаюсь, – вздохнул принц.

Он взглянул в окно.

– Вот и карета, – сказал он. – Мне показалось, я услышал стук колес.

Императрица медленно встала, чуть морщась от боли.

– Хорошо бы поскорей оказаться дома и принять горячую ванну, – сказала она, – После чего я займусь гимнастикой и завтра смогу охотиться хоть целый день.

Она протянула руку Гизеле, которая присела в глубоком реверансе.

– Благодарю тебя, маленькая самаритянка, – произнесла императрица. – Я не забуду тебя. Передай отцу, что мне нужно сказать ему два слова сегодня вечером. А еще лучше, попроси его приехать к обеду вместе с тобой. Мы обедаем в семь часов...

– К обеду... мадам? – пролепетала Гизела. – Но... это невозможно. Я уверена... отец... ни за что не согласится.

– Скажи отцу, кто я. Он поймет, – велела императрица.

Она взяла под руку принца и улыбнулась ему.

– Признаю, что королевская власть иногда имеет свои преимущества, – заметила она. – Но только иногда.

– Вы, мадам, были бы королевой, в каком бы слое общества ни родились, – ответил он.

– И опять вы мне льстите, – сказала она. – Наглядный пример тому – Гизела. Как вы заметили, она походит на меня лицом. Но тем не менее она, бедняжка, не стремится быть королевой.

Последнее слово осталось за императрицей. Принцу нечего было добавить. Он осторожно повел ее из комнаты, Гизела еще раз сделала реверанс. Перед домом миссис Ренолдз отвешивала чересчур усердные поклоны. Она не представляла, насколько знатны ее гости, но их важный вид внушил ей благоговейный страх, который усилился при виде роскошной кареты, приехавшей за ними. Гизела не подошла к дверям проводить уезжавших. Вместо этого она присела ненадолго на ковер и уставилась на пламя в камине. В ее мозгу пролетало круговоротом все, что произошло с того момента, как она восторженно неслась за гончими. Дружеский тон императрицы, ее красота, необычное удивление принца Рудольфа – все это привело Гизелу в полное смятение, так что она уже ни о чем не думала, ничего не понимала, за исключением того, что она в самом деле по душам побеседовала с императрицей Австрии.

Каким бесцеремонным ей теперь показалось все, что она говорила и делала. А с другой стороны, неужели ей следовало вести себя иначе, даже если бы она знала, с кем говорит?

Она услышала шум отъезжающей кареты и в конце концов поднялась с ковра. Когда миссис Ренолдз вошла в комнату, она увидела, что Гизела стоит, внимательно всматриваясь в зеркало на каминной полке.

Что они имели в виду, утверждая, что между ней и императрицей есть сходство? Неужели она похожа на Елизавету Австрийскую? Она ничего не видела в своем отражении – только бледное лицо, темные испуганные глаза и неаккуратный узел тусклых рыжих волос, загнанных в уродливую сетку.

Глава 3

Когда Гизела переступила порог дома, то поняла, что отец уже вернулся, так как заметила в холле его охотничью шапку и кнут. Она взглянула на часы и увидела, что слишком долго преодолевала те несколько миль, которые отделяли ее дом от фермы Ренолдзов.

Это было так на нее не похоже – ехать медленно, но ей о многом нужно было подумать, поэтому она намеренно выбрала длинную дорогу, неспешно проехала через лес, остановила лошадь над извилистым ручьем, чтобы полюбоваться открывшимся видом, а сама не переставала размышлять о том, что принесет ей грядущий вечер.

Ее охватили противоречивые чувства. Ехать или остаться дома? Это был королевский приказ, императрица ясно дала понять, и ее отцу придется подчиниться требованию. Но что касается ее самой, то дело обстояло иначе. Ее пригласили из милости, хотя какая тут особая милость – быть объектом пристального внимания блестящей свиты императрицы и сознавать при этом, что они посмеиваются про себя, если не в открытую, при виде такой особы, неизвестно как оказавшейся среди них?

Но где-то в глубине души она понимала благодаря дару предвидения, которым обладают все, кто тесно связан с жизнью природы, что это не просто вечернее развлечение, а нечто более важное и серьезное. Она знала, что находится на распутье, откуда может двинуться вперед или остаться на прежнем месте.

Раздавленная и униженная бранью и побоями мачехи в течение долгих лет, Гизела тем не менее сохранила гордость, которую леди Харриет так и не сумела сломить. Эта гордость, по-детски считала Гизела, появлялась в ней от снов, которые она видела по ночам. Во сне она становилась совершенно другим человеком, непохожим на раболепную служанку, как тень передвигавшуюся по дому, на перепуганную девочку, смиренно сносившую каждодневные побои и проклятия, которые, несмотря на все ее усилия угодить мачехе, становились день ото дня все яростнее и сильнее.

– Ну почему я не способна сделать хоть что-нибудь как следует? – Раньше она часто задавала себе этот вопрос, жалуясь как ребенок. Сейчас она понимала, что, как бы она ни старалась, ей ни за что не умиловить свою мачеху.

Да! Она оказалась на перепутье, и разве не могли появиться в ее сердце сомнения, какую дорогу выбрать? Она вспомнила добросердечие императрицы и то, как они мило и беззаботно болтали, пока Гизела не узнала, кем является на самом деле красивая незнакомка. Эта встреча словно пробудила в девушке какое-то чувство, которое до сих пор спало. Оно заставило Гизелу повернуться лицом к солнцу и понять, что, в конце концов, в ее темном мире есть место и красоте, и свету.

– Я поеду! Я должна поехать! – вслух произнесла Гизела. Она сознавала, что, хотя жребий брошен, борьба за то, чтобы ее решение стало реальным, еще впереди.

Вот поэтому она и не торопилась домой, находя различные для себя предлоги. Но наступил момент, когда все отговорки стали бесполезны: вдали появились башенки и фронтон Грейнджа.

Гизела медленно отвела лошадь в конюшню, где ее принял мальчик-слуга. Придерживая амазонку одной рукой, она побрела к дому; теперь, несмотря на то что внутренне она была настроена очень решительно, ее охватила дрожь. Как ей все объяснить? Где найти слова, чтобы рассказать о происшедшем? До чего смешно, что она так волнуется! Годы покорности и жестокого обращения после смерти мамы лишили ее всего, кроме воспоминаний.

Оглядываясь назад на то время, когда мама была жива, Гизела представляла себе его в золотистых тонах счастья, искрящимся от радости, но все это исчезло в маленькой, покрытой каменной плитой могиле на церковном кладбище.

«Где ты, мама? Почему ты не придешь ко мне?» – с плачем произносила маленькая Гизела каждую ночь, лежа в своей узкой кровати, несчастный и одинокий ребенок, который боялся смотреть не только в темноту, но и в свое будущее.

Ей казалось, что мама покинула ее навсегда, что не существует никакой загробной жизни, что невозможно восстать из могилы. Но, подрастая, Гизела стала верить, что иногда ее мама рядом с ней. Она не могла объяснить словами свое ощущение, оно ничего не имело общего с материальным осязанием. И все же в самые горестные минуты, после особенно яростных нападков мачехи, когда все тело ныло от побоев или лицо горело от отпечатка тяжелой ладони, Гизела верила, что ее мама совсем близко, нашептывает утешительные слова, говорит о стойкости и терпении.

И сейчас, в эту минуту, у нее внутри росла уверенность, что мама действительно убеждает ее принять сегодняшнее приглашение.

«Ступай! Ступай! Не упusti свой шанс!»

Слова, казалось, звучали в самом сердце. Гизела была уверена, что они шли неизвестно откуда, что их не мог подсказать ее собственный бедный, совершенно сбитый с толку умишко.

Она положила кнут и перчатки рядом с отцовскими и сняла шляпку. Мельком взглянула на себя в зеркало: глаза – как у испуганного оленя, лицо – бледное от смертельного страха; и тут же отвернулась, зная, что чем больше будет разглядывать себя, тем больше разнервничается.

Как она и предполагала, отец был в курительной комнате. Он сидел справа от камина, развываясь на своем обычном стуле и вытянув перед собой ноги в заляпанных грязью охотничьих сапогах, которые он так и не снял; в камине разожгли большой огонь, и от его белых бриджей и алой куртки шел пар. Под рукой стояла неизменная бутылка портвейна, а напротив сидела его жена.

Леди Харриет жаловалась на что-то своим тонким пронзительным голосом, и хотя сквайр удостаивал ее односложными репликами, она довольствовалась такой аудиторией, пусть не очень внимательной, чтобы высказать свои горести.

– А я ей отвечаю: «Может, это для вас хорошо, а для меня – так не очень», – рассказывала мачеха, когда Гизела вошла в комнату.

Леди Харриет услышала, как за девушкой закрылась дверь, и резко обернулась.

– Итак, ты вернулась, Гизела, – сказала она. – Давно пора. Где ты была, я хотела бы знать. Твой отец уже полчаса как дома. Я только что ему сказала, что, если это будет продолжаться, можете распрощаться со своей охотой, миледи. В доме полно работы, а ты, вместо того чтобы заняться делом, носишься по полям, растрепанная, как чучело, и заигрываешь с мужчинами.

Гизела подошла поближе к камину и, слегка заикаясь от волнения, обратилась к отцу:

– Папа... я должна... тебе что-то сообщить.

– Что такое? – спросил он, даже не повернув головы, чтобы взглянуть на нее, но зато протянул руку к стакану, который успел налить до краев.

– У меня к тебе поручение, папа. От графини Гогенемз. Она просит, чтобы сегодня вечером... ты отобедал с ней в Истон Нестоне... и... взял меня с собой.

Сквайр поставил на место стакан, но прежде, чем он смог сказать хоть слово, леди Харриет визгливо закричала:

– О чем говорит этот ребенок? Что за чепуха! Графиня Гогенемз! Как бы не так! Ну разве можно поверить, чтобы она пригласила отца таким способом? Ты перепутала имя.

– Нет, я ничего не перепутала, – сказала Гизела. – Я... помогла ей сегодня, когда она упала с лошади на поле Ренолдзов. Ты знаешь, папа, какое там коварное место возле ограды. После я отвела ее в дом. Она особо подчеркнула, что хотела бы видеть и меня сегодня.

– Невероятно! – завопила леди Харриет, поднимаясь со стула. – Только послушай ее, Джордж! Ты же прекрасно знаешь, кто такая на самом деле графиня Гогенемз!

– Да, знаю, – медленно произнес сквайр.

– Глупая девчонка все перепутала. Это на нее похоже. Нерадивое и глупое создание! Даже простое поручение не в состоянии выполнить.

– Я все правильно передала, – терпеливо настаивала на своем Гизела. – Если вам угодно, то отца на обед пригласила императрица Австрии.

Наступила недолгая тишина, затем сквайр произнес:

– Ты уверена, что не ошиблась, Гизела?

– Да, папа. Она спросила, как меня зовут, а когда услышала, кто была моя мама, то сказала, что хочет тебя видеть.

– Ах вот как! – язвительно заметила леди Харриет. – Значит, ты расхныкалась перед императрицей – если, конечно, ты действительно говорила с ней – о своих аристократических родственниках из Австрии.

– Да, я сказала ей, кто моя мама, – с готовностью ответила Гизела. – Ты знаешь, папа, императрица помнит ее! Они встречались в детстве. И моего дедушку она тоже помнит!

– И поэтому она пригласила тебя на обед, – продолжала язвить леди Харриет. – Тебя! На обед к императрице! Неплохо! Хорошая шутка. Сейчас умру от смеха.

Она откинула голову и расхохоталась грубым, неприятным смехом, в котором совершенно не чувствовалось веселья. Сквайр посмотрел в ее сторону.

– Полно, Харриет, – сказал он, и в голосе его прозвучало предостережение.

– Нечего меня останавливать, – заявила жена сквайра. – Я прекрасно понимаю, что произошло. Эта сладкоречивая маленькая дрянь помогает императрице, а потом втирается к ней в доверие. Она сообщает нашей гостье, кто она такая, и императрица, думая, что встретила свою соотечественницу вдалеке от дома, любезно приглашает ее отобедать. Меня не приглашают – о нет! Мной пренебрегают, как будто меня на свете не существует! Но так всегда и бывает. В этом доме я терплю только такое обращение. Нет, нет! Наша принцесса обязательно должна поехать, разряженная в пух и прах. Там она вдоволь наговорится о своем благородном происхождении и о родственниках своей матери, которые, что весьма любопытно, ничего не хотят иметь с ней общего. Возможно, Гизела, ты сообщила императрице об этом обстоятельстве? Возможно, ты объяснила ей, почему твоя знатная родня никогда не пишет, почему никогда не поинтересуется, жива ли ты?

Мачеха задавала вопросы с такой злобой, вытянув и без того длинное лицо с острым носом, что Гизела от нее отпрянула.

– Харриет! Харриет! – снова предостерег жену сквайр.

– Нечего покрикивать на меня, Джордж, – огрызнулась она. – Если ты думаешь, я позволю, чтобы этой неряхе все сошло с рук, то ты ошибаешься. Я собираюсь сказать ей всю правду. Сейчас она узнает кое-что о своей драгоценной мамочке, о чем и не подозревала до сих пор.

– Харриет, я запрещаю тебе говорить что бы то ни было, – заявил сквайр.

– Запрещаешь! Ты не можешь мне ничего запретить, – ответила леди Харриет, распаляясь все больше и больше, пока не впала в полное неистовство, так хорошо известное Гизеле. – Я слишком долго терпела. Мисс Мазгрейв! Как бы не так! Дочь сквайра, его наследница, его единственный ребенок, свет его пьяных очей! Ну вот, она и услышит впервые в жизни правду и, надеюсь, порадует ее!

– Харриет! Замолчи! То, что ты знаешь, я доверил тебе строго по секрету! – закричал сквайр.

Он попытался подняться со стула, но, прежде чем ему удалось сделать это, леди Харриет схватила Гизелу за плечи и принялась изо всех сил трясти, как грушу.

– Я слишком долго терпела весь этот бред, – прорычала она. – Послушай правду о себе. Ты всего-навсего внебрачный ребенок иностранки, которая не страдала избытком добродетели. Постарайся запомнить это своим скудным умишком, а потом можешь бежать к императрице, чтобы поведать ей историю твоего происхождения, и погляди тогда, как ей это понравится.

– Неправда! Это неправда!

Гизела услышала свой истошный вопль; с усилием вырвавшись из рук мачехи, она подбежала к отцу. Ему все-таки удалось встать с кресла. Гизела вцепилась в лацканы его охотничьей куртки и заглянула в полном смятении ему в глаза.

– Это неправда, папа! Скажи, что это не так!

Но ответ она поняла еще раньше, чем он раскрыл рот. Прочитала по его лицу, по испуганному и смущенному выражению. И тут же с криком отчаяния рухнула к его ногам, сотрясаясь от бурных рыданий, которые, казалось, разорвут ее на куски. Впервые сквайр вспомнил, что он мужчина, хозяин в доме.

– Выйди из комнаты, Харриет, – велел он жене тоном, которым редко говорил с ней и в котором чувствовалась давным-давно позабытая им властность.

В первую минуту она не обратила на его слова никакого внимания, но потом, когда он повторил: «Выйди из комнаты, я хочу побыть наедине со своей дочерью», Харриет тряхнула головой, и кокетливые локоны, обрамлявшие ее уродливое лицо, насмешливо запрыгали.

– Очень хорошо, я уйду, – сказала она. – Я все сказала, что хотела. Надеюсь, вы оба отлично проведете вечер!

Она повернулась и, шелестя дорогими шелковыми юбками, поплыла к двери. Дойдя до нее, она закатилась от смеха, писклявого и язвительного смеха, каким смеется женщина, которая торжествует победу, которая знает, что нанесла смертельный удар, и упивается своей разрушительной силой.

Дверь закрылась, и наступила тишина, нарушаемая неистовыми, раздирающими душу рыданиями. Сквайр тяжело опустился в кресло, возле которого Гизела сжалась в комочек. Затем он очень нежно опустил руку на ее голову.

– Не плачь, Гизела, – сказал он. – Я хочу поговорить с тобой.

Она сделала над собою усилие, но прошло еще несколько минут, прежде чем она смогла сдержать поток переполнявших ее слез и подавить громкие всхлипывания, вырывавшиеся из побелевших губ. Наконец она успокоилась, но тело все равно сотрясилось от дрожи, исторгнутой из самой глубины души. Когда она подняла распухшие глаза и взглянула на отца, то увидела, что он пристально смотрит в камин, а на лице его застыло выражение, которого она до сих пор не знала.

– Я предал тебя, – тихо произнес он. – Никогда не предполагал, что ты все узнаешь. Стефани взяла с меня клятву, что ты ни о чем не будешь знать. Я предал тебя, Гизела.

– По мне, лучше знать правду, – всхлипнув, ответила Гизела.

– Я и не думал рассказывать Харриет, – продолжал он. – Она как-то сумела выудить из меня все. Я был глупцом, Гизела, проклятым глупцом, что снова женился, после того как узнал, что такое счастье.

– Теперь... слишком поздно, отец, – сказала Гизела. – Пожалуйста, скажи мне... кто я... если не твоя дочь.

Сквайр тяжело вздохнул и, повернувшись к Гизеле, взял ее руки в свои. Ее пальцы были холодны как лед, и он неловко постарался согреть их, растирая между ладонями. От

этого простого проявления доброты на глаза Гизелы вновь навернулись слезы и побежали безудержно по щекам.

– Я встретил твою мать двадцать один год назад, – неторопливо начал сквайр свой рассказ. – Я гостил тогда в Австрии у своего друга, с которым мы вместе учились в Оксфорде. Я поехал к нему поохотиться. Как-то раз он взял меня с собой в гости к друзьям, жившим неподалеку, – к графу Ганзалии и его семье. Я влюбился в Стефани с первого взгляда. Она была прелестна, Гизела. Золотоволосая, с голубыми глазами. От ее смеха всем вокруг становилось радостней. Я молил ее стать моей женой. Но она сказала, что любит другого.

Сквайр замолчал на секунду и прикрыл глаза рукой, как бы заново испытыв боль прошлого.

– Дальше... папа, – прошептала Гизела.

– Она доверила мне свою тайну. Рассказала, как сильно любит и верит, что ее избранник отвечает ей такой же любовью. Но они не могли пожениться, потому что у него уже была жена. «Он женился бы на мне, если бы мог, – говорила Стефани. – Но его заставили заключить выгодный брак. Он возненавидел свою жену с самой первой минуты, а она возненавидела его. Их родители договорились между собой об этом браке, и они ничего не могли поделать. Он очень несчастлив и никогда не знал, что такое счастье. Я отчасти могу облегчить его страдания».

Сквайр издал стон.

– Для меня было мукой слушать ее, – сказал он. – Но мне не хватало мужества уехать. Каникулы кончились, а я остался. Мой друг все понял. Я не доставлял ему никаких хлопот своим пребыванием в его доме, поэтому я остался. Проходил месяц за месяцем, и я все больше и больше влюблялся в Стефани, стараясь утешить себя тем, что она, по крайней мере, мой друг. Но однажды она прибежала ко мне, как безумная, вся в слезах. Прошло много времени, прежде чем мне удалось уговорить ее рассказать, что случилось. Ее признание поразило меня как удар. У нее должен быть ребенок! Она боялась рассказать родителям, боялась будущего. Я спросил, знает ли об этом ее возлюбленный. Она ответила: «А что он может сделать?» Я так и не узнал, кто это был, ты понимаешь? По-моему, я никогда и не встречался с ним. Я знаю только то, что говорила мне Стефани, – он был очень важной особой и, по ее словам, горячо ее любил. Я умолял ее пойти к нему. Она отказалась. Каждый день мы встречались с ней у озера и все обсуждали без конца ее дилемму. Но разговоры так ни к чему и не привели. В конце концов мне пришлось в голову единственно возможное решение: Стефани должна выйти за меня замуж, и тогда весь мир признает, что ребенок – мой!

Пальцы Гизелы сжались на руке отца.

– Это было благородно с твоей стороны, папа, – тихо промолвила она.

– Благородно? – переспросил он. – Ничего подобного. Я любил Стефани всем сердцем и душой. Я взял бы ее в жены на любых условиях. Будь у нее пятьдесят внебрачных детей, для меня это не имело бы значения. Будь она убийцей, изгоем, я все равно любил бы ее.

В его голосе зазвучала истинная страсть, потом он снова откинулся на подушки в кресле.

– Это любовь, Гизела! И пусть ты никогда не узнаешь, что это такое. Она разрушает все, кроме самой себя.

– Но ведь любовь означает счастье, – сказала Гизела.

– Да! Счастье, потому что, когда приходит любовь, весь мир вокруг меняется, – согласился сквайр. – В конце концов Стефани согласилась выйти за меня. Мне тогда казалось, я самый счастливый человек на свете. Только позже я познал адские муки ревности, бросившие меня на самое дно пропасти, имя которой – отчаяние.

Он помолчал минуту, глядя в огонь.

– Нет сильнее боли, чем ревность, Гизела. Помни об этом и постарайся ее избежать. Ревность въедается в самую душу. Она вторгается в тебя с каждым вздохом, с каждой мыслью, которая приходит тебе в голову.

Гизела чуть сильнее прижалась к его коленям.

– Бедный папа.

– Твоя мать никогда не притворялась. Когда мы поженились, она сказала, что любит только одного человека и никого больше и что будет любить его всегда. Ее сердце было отдано ему и тебе, его ребенку.

– Трудно тебе пришлось, – сказала Гизела.

– Трудно! Временами мне казалось, что я больше не выдержу. Я уходил из дома посреди ночи и бродил бесцельно до рассвета, боясь остаться наедине с женщиной, которую любил и которая не любила меня. Я пообещал ей, что наш брак будет только формальным. И я сдержал свое слово. Я не был ей мужем до тех пор, пока она не попросила меня стать им.

– Это было жестоко, папа! – воскликнула Гизела.

Он покачал головой:

– Нет! Потому что она была совершенно откровенна. Она не стала бы опускаться до того, чтобы изображать любовь, которую не испытывала; она не стала бы принадлежать мужчине, которого не любила. Но я в конце концов победил! О, Гизела, я победил! Прошли годы – годы страданий, годы, когда мне иногда казалось, что я теряю рассудок от тоски по ней. А потом как-то на Рождество, когда я меньше всего ожидал этого, она призналась, что полюбила меня, я стал всем в ее жизни; прошлое померкло, и она любила меня всем сердцем, так же как я ее.

Голос сквайра дрогнул. С усилием он продолжил:

– И тогда я стал тем, кем должен был стать давным-давно. И тогда я узнал долгожданное счастье семейной жизни, когда жена и муж – оба чувствуют, что нужны друг другу. Мы были счастливы, Гизела. Так счастливы, что даже сейчас трудно говорить об этом, трудно рассказать словами, какими были последние четыре года. Четыре года, хотя женаты мы были уже шесть лет!

– И ты все еще продолжаешь меня ненавидеть, папа?

– Никогда я не испытывал этого чувства к тебе, дитя мое, – ответил он. – Сначала мне казалось, что так и будет, но невозможно ненавидеть такое хорошенькое и беспомощное существо. Мне было жаль того времени, которое твоя мама проводила с тобой, но меня часто посещало чувство, как будто нас с тобой связывает вместе то, что мы оба не можем без нее жить. Она дарила нам обоим только часть своего внимания, часть своего сердца, часть своих мыслей. Остальное доставалось человеку, которого она любила. Человеку, который даже не подозревал, что она родила от него ребенка.

– Он не писал и даже не пытался увидеться с ней?

– Нет, насколько я знаю. Думаю, она сказала бы мне, если бы было иначе. Нет! Когда мы вместе уехали из Австрии, она порвала со всем прошлым, включая свою семью.

– Но почему? Почему она оставила их?

– Потому, что они знали правду. Ее мать обнаружила беду после того, как Стефани однажды потеряла сознание. Именно это обстоятельство заставило Стефани искать утешения у меня, заставило принять предложение стать моей женой, которое я сделал много раньше.

– А они очень рассердились на нее?

– Они просто разбушевались, – ответил сквайр. – Вот почему мы убежали вместе. Стефани как раз исполнился двадцать один год, и мы могли пожениться в Мюнхене без родительского согласия и одобрения. А потом мы приехали в Англию. Твоя мать никогда не вернулась домой.

– Ты сообщил им... что... она умерла?

– Нет. Я испытал такое горе, что мне было все равно, узнает об этом еще кто-то или нет. Когда твоей матери не стало, я хотел для себя только одного – смерти. В жизни мне больше ничего не оставалось.

Гизела молчала. Ей очень хотелось сказать: «Но ты все-таки снова женился». Хотя говорить это было бесполезно. Она увидела в эту минуту, что в сквайре действительно что-то погасло со смертью жены. Его душа сошла с ней в могилу, остались только тело и ум, который нужно было постоянно одурманивать вином, чтобы легче переносить одиночество, которое было его уделом до конца жизни.

– Вот и конец истории, – тяжело произнес сквайр.

Гизела поднялась с пола.

– Как жаль, что ты не рассказал мне всего раньше, – пробормотала она.

Он не спросил почему, и она была рада, что не придется ничего объяснять. Но она сама знала, что где-то в глубине души всегда презирала его за то, что он совершенно сломался, когда умерла ее мать, за то, что он потерял не только уважение к себе, но и свободу. Она могла понять его и даже посочувствовать в чем-то, но все же ее утонченность восставала против его привычки пить, его раболепства перед леди Харриет, его слабости и нерешительности, когда дело касалось ведения хозяйства, ухода за домом или того, как обращаются с его дочерью. Наверное, ей бы следовало чувствовать себя поверженной, униженной при мысли о том, что она – дитя любви, рожденное от неизвестного отца на позор матери. Но вопреки всему она почему-то была в приподнятом настроении. Ее обуревало только одно чувство – гордость. Она гордилась своей матерью, которая полюбила, несмотря ни на что; гордилась, что родилась от любви такой сильной, такой безграничной, что это чувство не иссякало шесть лет в чужой стране, куда ни письма, ни одного слова не доходило, чтобы его поддержать. «Он, наверное, был удивительным, – подумала она. – Только таким мог быть мой отец».

Она повернулась к сквайру, неуклюже сидящему в кресле. Теперь, когда рассказ подошел к концу, его рука снова потянулась к стакану.

– Ты не должен больше пить, папа, – сказала она. – Мы с тобой сегодня обедаем у императрицы.

Он тут же отставил стакан.

– Ты все еще хочешь поехать?

– Я обязательно поеду, – заявила она. – То, что ты рассказал, ничего не меняет. Императрица знала мою мать. Я хочу услышать, какая она была в детстве, о ее доме... моем доме... в Баварии.

Последние слова она произнесла чуть слышно, но сквайр услышал их и посмотрел на нее внимательнее.

– Ты не похожа на свою мать, Гизела, – сказал он. – И все же иногда в твоем голосе проскальзывают отдельные нотки, которые до боли напоминают ее. И голову ты держишь совсем как она.

– Я рада. – Гизела наклонилась и коснулась его руки. – Благодарю тебя, – чуть смущенно произнесла она. – Благодарю тебя за то, что терпел меня в доме все эти годы. Это великодушно с твоей стороны.

– Что такое? Чепуха! Глупости, ерунда! – разбушевался сквайр. – Ты не должна так говорить.

Расхрабрившись, Гизела наклонилась и поцеловала его в щеку.

– Сегодня мы вместе едем в гости, – напомнила она. – Ты сознаешь, что мы никогда с тобой не выезжали вдвоем?

Он улыбнулся, и было в его улыбке что-то от былой веселости, с которой он расстался почти одиннадцать лет назад.

– Это важное событие, Гизела, – согласился он. – Надеюсь, мы не подведем друг друга.

Она слишком хорошо знала, что он имеет в виду, так как при этом он почти церемонно закрыл пробкой хрустальный графин.

– Я пойду переоденусь, папа, – улыбнулась Гизела. – Ты закажешь экипаж? Обед подадут в семь.

– Я буду ждать тебя в холле в шесть тридцать, – ответил сквайр.

Она снова поцеловала его, думая: сколько лет прошло с тех пор, как она в последний раз осмелилась на такой жест, – и выбежала из комнаты. Миновав холл, она из опасения встретиться с мачехой на ступенях проскользнула мимо столовой и поднялась к себе в спальню по черной лестнице.

Только добравшись до своей комнаты, Гизела поняла, что, хотя легко говорить о поездке в гости с отцом, ей нечего надеть. В ее гардеробе висело одно старое, линялое платье, в которое она переодевалась каждый вечер к обеду, и еще одно, из которого она давно выросла, и перешить его или починить уже было невозможно. Гизела постояла с минуту, не зная, что делать. Потом с решительным выражением на лице, что было так на нее не похоже – обычно она пребывала в состоянии испуга и неуверенности, – девушка поспешно отправилась на чердак, куда по приказу леди Харриет были отправлены все вещи ее матери, убранные в сундуки. До этого момента Гизела и не помышляла о том, чтобы взять что-нибудь себе. Она считала святотатством дотронуться до какой-то вещи, принадлежавшей умершей, уклонилась даже от того, чтобы пользоваться туалетными принадлежностями или другими не подверженными порче предметами, которые остались от матери. Она опасалась, что, если вещи будут на виду, леди Харриет примется отпускать по их поводу замечания или, что еще хуже, грубо обращаться с ними своими большими, костлявыми пальцами, а этого Гизела не перенесла бы. Но сегодня все по-другому! Сегодняшний вечер свяжет ее с прошлым, с самой мамой!

Она ступила на длинный, с низким потолком, отдающий плесенью чердак, забитый доверху ненужными теперь вещами – детский стульчик на длинных ножках, лошадка-качалка, манежик, сломанный угольный ящик. Горы фарфоровой посуды, с трещинами и отбитыми краями, были свалены в одном углу вместе со стопками старых картин. Там были и ковры с прожженными в них дырами, побитые молью, и ламбрекеновые доски, целая коллекция сломанной мебели и книги в поврежденных переплетах. Вдоль стены аккуратно в ряд выстроились сундуки, скрепленные толстыми ремнями, с полукруглыми крышками. Гизеле не сразу удалось расстегнуть один из них. Она откинула крышку и увидела, что сундук заполнен туфлями. Тогда Гизела быстро перешла к следующему сундуку. Там оказалось то, что она искала, – платья, аккуратно переложенные папиросной бумагой. Гизела принялась перебирать их и почувствовала тонкий аромат фиалок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.